

М.Б. Чистяков

Корни и плоды

Издание 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М11

M11 **М.Б. Чистяков**
Корни и плоды: Издание 3 / М.Б. Чистяков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 137 с.

ISBN 978-5-458-14748-4

Повести для детей старшего возраста. С рисунками в тексте П. Захарова.

ISBN 978-5-458-14748-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ маленькомъ сядикъ подъ яблоней лежаль человѣкъ...

долго смотрѣть, и навѣки разстаться съ своими придется! И останутся они, горемычные, одни... безпріютными сиротами... Садикъ, гдѣ теперь работаетъ моя жена съ моимъ ребенкомъ, достанется чужимъ людямъ; въ теперешней моей избѣ имъ не будетъ даже угла, чтобы приклонить голову. Ахъ, доля, доля, горькая доля! Зачѣмъ бы такимъ бѣднякамъ ужъ и на свѣтъ родиться!

Онъ помолчалъ, подумалъ немного, собрался съ мыслями, ободрился и продолжалъ:

— Впрочемъ, знать, отъ болѣзни глупъ я сталъ и малодушенъ; зачѣмъ я ропщу? Да будетъ во всемъ святая воля Божія! Іовъ больше страдалъ. Богъ не покинетъ сиротъ; да и добрые люди еще не перевелись на свѣтѣ; земля не вся заросла полынью...

Сказавъ это, онъ хотѣлъ перекреститься, но не могъ поднять руки. Ему сдѣлалось неловко лежать, онъ хотѣлъ перевернуться и не былъ въ состояніи; попробовалъ было позвать своихъ, но голосъ у него былъ такой слабый, такой глухой, что его не услышали бы и въ двухъ шагахъ.

— Какой же я сталъ дрянной! — сказалъ онъ. — грустно улыбаясь и почти съ завистью смотря на пѣничку, которая, сидя на вѣткѣ, прямо передъ нимъ, звонко щебетала, пѣла безъ умолку и, казалось, не могла вдоволь напѣться про свою весеннюю радость.

Мать точно будто мыслями отгадала, что ей надобно пойти къ больному, посадила яблонь, засыпала корни ея землей, притоптала, крикнула сына и пошла къ бѣдному мужу.

— Что, не хуже-ль тебѣ? — спросила она.

— Нѣть, не хуже, только грустно что-то. Они замолкли. Было что-то ужасно тяжелое, гнетущее душу въ этомъ молчанье. Эти трое бѣдняковъ съ блѣдными, испытыми лицами, понуренными головами, казалось, отнимали всю прелесть у свѣта солнца, всю силу жизни у земли, всю нѣгу у запаха цвѣтовъ.

Дѣячекъ, наконецъ, сказалъ сыну:

Корни и плоды

— Ваня! Принеси-ка книжку да почитай; авось, на сердцѣ станетъ легче.

Ребенокъ принесъ библію и сталъ читать евангеліе.

Чтеніе продолжалось около получаса.

— Ну, теперь прочти что-нибудь по гражданской печати, — сказалъ отецъ.

Ребенокъ принесъ какую-то книгу, безъ начала и безъ конца, разорванную, истрапанную и, развернувъ на удачу, попаль, какъ видно, на описание сраженія, которое происходило между русскими и французами въ 1812 году подъ Смоленскомъ.

Отецъ слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ: — и голосъ у тебя чистый и звонкій, и читаешь ты безъ запинки, бойко, и по церковному, и по гражданскому, и пишешь ты, какъ дай Богъ вся кому, а вотъ умру я, тебя дьячкомъ не сдѣлаютъ, скажутъ: маль, неразуменъ, глупъ еще... Попытаться бы попросить, чтобы тебя на мое мѣсто еще при жизни моей опредѣлили, чтобы ты у меня поучился, какъ исправлять должностъ, да вотъ боленъ-то я, силь-то у меня нѣть; а то-бъ бросиль работу, все бросиль, пошелъ бы въ городъ къ архіерею: не Богъ вѣсть, какая даль, всего двѣsti верстъ; дней въ десять отмахалъ бы взадъ и впередъ. Впрочемъ, Богъ дастъ, поправлюсь, схожу и, авось, выхлопочу для тебя мѣсто.

— Богъ тебя знаетъ, что ты говоришь, — кротко сказала жена. — Подумай, что твоя за жизнь? Что-жъ и сына также на вѣки-вѣчные закабалить въ бѣдность и нужду? Нѣть, что ужъ тамъ не будетъ, я стану биться до кроваваго пота, не буду знать покоя ни днемъ, ни ночью, по міру буду ходить, куски собирать, ночевать подъ заборами, въ хлѣвахъ, а ужъ его отдамъ въ семинарію, пусть доходитъ до конца; а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ. Можетъ, ему Господь судилъ другую долю. Почему знать, чѣмъ еще онъ будетъ?

— Что, небось, протопопомъ?

— А можетъ, чѣмъ-нибудь и больше. Дьячекъ печально улыбнулся.

— Чѣмъ-же, напримѣръ, больше? — спросилъ онъ.

— Ну, мало-ль чѣмъ. Почемъ знать. Архіереемъ бы я не хотѣла, чтобы онъ былъ. Видѣла я однажды архіерея: лентъ-то на немъ что, крестовъ навѣшано! Подъ руки его водятъ; благословляетъ онъ всѣхъ; господа такъ и суются цѣловать у него руки; въ церковь онъ идетъ — звонять, изъ церкви идетъ — звонять, пріѣзжаетъ въ село — звонять, уѣзжаетъ — звонять; а народу-то, народу сбѣгаются смотрѣть, и Господи, сколько! Хорошо это все, какъ онъ между нами; грѣшными, какъ святой какой ходитъ. А посмотришь: ни одной-то, ни одной родной души около него нѣть; всѣ эти пѣвчіе, вся эта орава, что кругомъ него, отхлынутъ, разбредутся, пойдутъ ёсть, пить, хохотать, а онъ останется, горемычный, въ своей палатѣ, точно сирота: жены нѣть, дѣтей нѣть, родственники только и норовятъ, какъ-бы стащить отъ него что-нибудь... Нѣть, я не хочу, чтобы Ваня былъ архіереемъ.

Больной невольно разсмѣялся.

— Ахъ, жена, жена, — сказалъ онъ, — до чего ты договорилась! А намъ бы съ Ваней и въ дьячкахъ хорошо быть, еслиъ Богъ сподобилъ.

— Ну, хорошо сподобленье, — нечего сказать! По-моему, лучше пусть въ солдаты идеть: тамъ можетъ въ офицеры выслужиться, а изъ офицеровъ еще во что-нибудь дальше.

— Тебѣ бы все дальше да дальше. Какая ты неугомонная! Вотъ тѣмъ у тебя особенно славный нравъ, что ты никогда не унываешь, и все у тебя такія веселыя мысли.

— Голубчикъ ты мой! Какое веселье? Ты боленъ, ничего у насть нѣть; съ работами мнѣ одной не справиться, теплые дни пройдутъ, не увидишь; зима ничего не дастъ — ни зерна, ни цвѣту, а припасай все — и хлѣба, и дровъ, и шубу... Поневолѣ заноетъ сердце, какъ обѣ этомъ подумаешь... Оттого-то и хочется мнѣ ребенка нашего избавить отъ этакой

Чистяков М.

горькой доли: онъ еще молодая пташка; выучится, крылья вырастуть, и лети, куда укажетъ Божій свѣтъ — разумъ. Когда вотъ раздумаешься, что онъ будетъ и хорошъ собой, и уменъ, и богатъ, и у людей въ уваженіѣ, ну, и забудешь про горе на минуту, и отъ сердца немножко отляжетъ.

— Да, твоя правда: снится-жъ иногда бѣдному, что у него цѣлые закромы золота; и за это спасибо: хоть во снѣ-то счастливъ. А все-таки, что тамъ ни думай, лучше-бѣло, если бы за Ваней оставили мое мѣсто.

Я бы умеръ спокойно.

Жена тяжело вздохнула и пошла работать въ поле. Ваня началъ таскать въ лукошкѣ, съ огорода въ садъ, черноземъ для деревъ, который надо было сажать на слѣдующій день. Отецъ, утомившись отъ разговора, задремалъ. Ручной голубъ, котораго онъ очень любилъ и часто кормилъ изъ руки, прилетѣлъ съ поля, опустился подлѣ него, поворковаль, но, точно будто понимая, что хозяинъ его боленъ и утомленъ, сѣлъ у его изголовья и смотрѣлъ ему въ лицо; у ногъ его маленький котенокъ игралъ отрапаннымъ концомъ его одѣяла; на солому его постели, отъ-времени-до-времени, вспрыгивалъ зеленый кузничекъ и, испугавшись, кувыркомъ бросался въ сторону; разноцвѣтныя букашки — сѣренъкія, красненькія, стальныя, золотистыя и т. п., ныряли между стеблями соломы и, очевидно, наслаждались множествомъ тайныхъ переходовъ; зябликъ спорхнетъ съ дерева, походить по травѣ, поклюеть то сѣмянъ, то песку, порхнетъ снова въ зелень вѣтвей и раза два просвищетъ, точно хочетъ сказать: смотрите, гдѣ я, и какъ хорошо мнѣ въ прохладныхъ листьяхъ.

Еслибъ не болѣзненная блѣдность въ лицѣ спящаго, да не извѣстно было, какова жизнь его, то можно было бы позавидовать его мирному сну и наслаждаться тѣмъ, какъ все кругомъ кишитъ, радуется и красуется въ лучахъ чуднаго весенняго солнца.

Вдругъ, въ концѣ деревни раздался рѣзкій звонъ колокольчика. Больной проснулся. Кто бы это былъ? Колокольчикъ все ближе и ближе, все звончѣй и звончѣй, вотъ телѣга подъѣхала къ воротамъ дьячкова дома и остановилась. Ваня побѣжалъ посмотреть кто єдетъ.

Чередъ нѣсколько минутъ въ садъ вошелъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, одѣтый по-купечески. Это былъ приказчикъ, єздившій по деревнямъ и городамъ съ разными порученіями отъ купцовъ. Онъ былъ сынъ одного крестьянина и выросъ вмѣстѣ съ дьячкомъ; они были неразлучны въ дѣтствѣ, жили, будучи мальчиками, душа въ душу и на всю жизнь остались самыми искренними друзьями.

Корни и плоды

Мальчикъ кинулся ему на шею...

Узнавъ, что дьячекъ боленъ, приказчикъ прибѣжалъ въ садъ, бросился къ нему и началъ его цѣловать, какъ брата. Пожалѣвъ о больномъ, пріѣзжій сказалъ ему:

— Я было къ тебѣ, Саша, пріѣхалъ съ хорошимъ дѣломъ; мнѣ нужень на мѣсяцъ грамотный, расторопный и честный человѣкъ, вотъ, какъ ты, напримѣръ; мы бы съѣздили въ губерніи двѣ, три, тебя бы отпустилъ отецъ Василій, и всѣмъ бы намъ было хорошо; а то вотъ что теперь дѣлать? Я какъ безъ рукъ.

— И я тоже, — отвѣчалъ улыбаясь дьячекъ.

— Да, шути, братъ: а вѣдь это никуда не годится. Кого-жъ ты, однако, присовѣтуешь взять съ собою?

— Возьми моего Ваню.

— А онъ умѣеть писать?

— Славно пишетъ.

— И поѣдетъ со мною?

— Куда хочешь: онъ начитанъ книжекъ про разныя страны, его такъ и тянетъ.

Чистяков М.

— Ну и хорошо. Жена твоя дома? Вели-ка ей приготовить чего-нибудь пойти поскорѣй, да и въ дорогу. Что, я думаю, она, бѣдная, совсѣмъ изныла, глядя на тебя?

— Да, иногда горюетъ такъ... что невольно слеза прошибается; крѣпишься только, чтобы ее не опечалить еще больше.

— Чего-же ты унываешь? Пока я живъ, вы нужды терпѣть не будете. Кликни только: когда понадоблюсь, тотчасъ явлюсь передъ тобою, какъ листъ передъ травою.

— Другъ ты мой сердечный! Кликни!.. На свадьбу, на пиръ, на радость кликнуть — легко; а кликать все на помошь да на помошь, все только на горе — и, Господи, какъ тяжело! Дыханье спирается.

— Ахъ ты — чудакъ, чудакъ! А ты мнѣ развѣ не помогаль? Да еще когда? Когда и самъ-то ты былъ ребенкомъ. Помнишь, какъ осенью, въ холодъ и дождь, босоногій, въ одной рубашонкѣ, я стоялъ у тына, дрожалъ и плакаль? А ты вынесъ мнѣ свои старенькие лапотки, суконки и зипушишко. Помнишь, я въ полѣ пасъ ягнятъ и у меня цѣлый день крохи во рту не было? А ты принесъ мнѣ хлѣба, картошки и соли; мы развели огня, испекли картошку, я поѣль досыта и сталъ такъ весель, какъ рѣдко со мной случалось. Этого я, любезный другъ, и на томъ свѣтѣ не забуду.

— Ну, что-жъ это? Много-ль это?

— А такъ много, что безъ этого, пожалуй, меня-бѣ и на свѣтѣ не было. Такъ вотъ же, за это и ты отъ меня прими, по дружбѣ, бездѣлицу.

Сказавъ это, приказчикъ вынулъ изъ кожанаго мѣшечка нѣсколько рублей. Въ это время воротилась домой хозяйка.

— Да, вотъ она, — сказалъ пріѣзжій, — добрѣй и ласковѣй тебя, — не станеть обижать меня.

Говоря это, онъ отдалъ ей деньги.

— Награди тебя, Господи! — прошептала она, поклонилась и, утирая слезы, проворно пошла стряпать кушанье.

Появленіе такого доброго друга оживило бѣдняковъ: лица у нихъ просвѣтлѣли; большой почувствовалъ себя бодрѣй и весело улыбался, слушая разсказы и шутки приказчика.

— А что, — сказалъ онъ дѣячку, — не хочешь ли совсѣмъ отпустить ко мнѣ своего Ваню?

— Зачѣмъ?

— А вотъ зачѣмъ: мнѣ по чужимъ дѣламъ мыкаться надоѣло. Я кое-что нажилъ; заведу свою торговлю, попытаю счастья; онъ будетъ у меня въ лавкѣ, а послѣ разживется, тоже, можетъ, самъ торговатъ станетъ.

— Нѣть, братъ, сердись не сердись на меня, а для этого не отпуши.

— Отчего-жъ? Вѣдь, если Богъ благословитъ, онъ разбогатѣть, и самому хорошо, и вамъ помога и радость.

— Такъ-то, такъ, да не нравится мнѣ купеческое дѣло.

— Отчего-жъ не нравится?

— Да все тамъ фальши, да обманъ, обмѣриванье, обвѣшиванье, берется все втридорога.

— Вездѣ есть фальши и обманъ, вездѣ есть и честные люди. Извѣстно, купецъ ничего не продастъ въ убытокъ себѣ, иначе ему и торговатъ нельзя, нечѣмъ было бы платить за лавку, подати, приказчикамъ; но кто обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ, тотъ — и не добрый

Корни и плоды

человѣкъ, и просто глупъ: этимъ никогда много не наживешь; одного обманешь, другого обманешь, а тамъ проче и пойдутъ все мимо да мимо лавки.

— Твоя правда, да, знаешь, нашему брату, духовному, какъ-то въ купечество идти не приходится.

— Отчего же не приходится? Онъ можетъ нажить денегъ, жить богато, ни въ комъ не нуждаться, даже другимъ помогать, бѣднымъ, жертвовать на училища, на больницы, на тѣ угодныя Богу мѣста, гдѣ призываютъ вдовъ, сиротъ, старииковъ безпомощныхъ,увѣчныхъ и другихъ несчастныхъ горемыкъ.

— Что и говорить! Деньги — хорошее дѣло, когда ихъ на добро употребляешь: безъ нихъ и съ руками — какъ безъ рукъ, и съ глазами — какъ безъ глазъ, и съ умомъ — какъ безъ ума, да Богъ вѣдаетъ, наживетъ-ли мой Ваня, а отдашь его въ торговлю, такъ ему ужъ всякую другую дорогу загородишь; а ему, можетъ, счастливая судьба выпадетъ.

— Да какая-жъ судьба? Дѣякомъ-то быть, или священникомъ? Ты самъ знаешь, какъ вы всѣ живете: бьетесь; бьетесь, а изъ чернаго тѣла никакъ выбиться не можете. Со стороны даже смотрѣть жалко.

— Оно справедливо; но, можетъ быть, мой Ваня станетъ хорошо учиться, выучится, поступить тамъ въ какую-нибудь академію, въ университетъ, что-ли, а тамъ всякому, говорять, дорога широкая.

— Однимъ — широкая, другимъ — тѣсная; иные и ученые, да бьются весь вѣкъ не лучше вашего. Впрочемъ, можетъ быть, твоя и правда; можетъ быть, твои слова и сбудутся; вѣдь, говорять, Господь Богъ внушаетъ родителямъ, куда имъ дѣтей своихъ вести, какой путь имъ указывать. Дѣлай, какъ хочешь; только теперь отпусти Ваню со мной: онъ и людей посмотрѣть, не будетъ слишкомъ робокъ, да кое-что у меня и заработаетъ; а когда вернется, дѣлай съ нимъ, что тебѣ Богъ положить на сердце.

— Спасибо, другъ мой; только ты не сердись за то, что я тебѣ говорилъ.

— За что-жъ сердиться? Я думаю одно, ты думаешь другое. У всякаго свой умъ въ головѣ. Почему знать? Можетъ быть, будетъ время, что мы съ тобой передъ твоимъ Ваней безъ шапокъ будемъ стоять? Что, Ваня? Не будешь тогда гордиться передъ нами? А? Я знаю, что не будешь: ты добрый мальчикъ. Тебя отецъ не учить дурному; развѣ только чужие люди станутъ дурному учить; да ты не слушай ихъ; помни прежнія наставленія. Голубчикъ мой; раскраснѣлся, какъ маковъ цвѣть! Да чего же ты плачешь?

— Я самъ не знаю, — отвѣчалъ шепотомъ Ваня. И онъ точно не зналъ: ему жаль было отца, жаль матери; онъ видѣлъ, какъ они бѣдны, какъ горюютъ, и не могъ ничѣмъ пособить имъ; онъ слышалъ, что за поѣздку съ приказчикомъ заработкаѣтъ нѣсколько денегъ; а между тѣмъ ему грустно было разставаться съ родителями, съ родительскимъ домикомъ, садикомъ, — съ грядами, которыя онъ копалъ, съ яблонями, которыя обсыпалъ землею, съ свѣтлыми днями въ бѣдномъ домикѣ; ему и хотѣлось, и не хотѣлось щѣхать; онъ бы радъ былъ учиться, да зналъ, что отецъ не можетъ содержать его въ училищѣ и очень тоскуетъ объ этомъ... Все это теперь перебывало у него на умѣ тысячу разъ и растревожило его; лицо его разгорѣлось, и слезы невольно капали изъ глазъ.

— Что-жъ, Ваня, — сказали въ одинъ голосъ отецъ и приказчикъ, — если не хочешь щѣхать, мы не неволимъ. Ваня испугался этого и торопливо заговорилъ:

— О нѣть, я поѣду, я съ охотой поѣду, на край свѣта поѣду; я не оттого. Я самъ не знаю отчего... Я поѣду, хоть сейчасъ...

— Да сейчасъ и надо щѣхать, голубчикъ мой: мнѣ нужно спѣшить.

Чистяков М.

— Сейчас! — подумал Ваня. — Сейчас разстаться съ отцомъ и матерью, поцѣловаться съ ними въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ взглянуть на эту милую соломенную кровлю, на эти углы, на эту траву, на эти деревья, на этотъ развѣсистый, зеленый дубъ, на все, на все — въ послѣдній разъ... — Сердце его больно забилось; онъ подъ какимъ-то предлогомъ отошелъ прочь, спрятался въ кустахъ, упалъ на зелень, цѣловалъ землю, ласкалъ кустики и былинки, прижималъ ихъ къ себѣ и долго рыдалъ. Отъ слезъ ему сдѣлалось легче; будто чай-то добрый-добрый, ласковый и сладкій голосъ шепнуль ему: „чего-жъ ты плачешь, дитя? Я тебя не покину; я вѣдь вездѣ: и тамъ, гдѣ синее небо, гдѣ свѣтить солнце, гдѣ раскидываются весенніе цвѣты и осенюю сучья виснутъ къ землѣ отъ золотыхъ плодовъ; и тамъ, гдѣ въ черной ночи свирѣпствуетъ буря, гдѣ въ полдень, какъ въ мглистый вечеръ, солнце сквозь тяжелые и сѣрые туманы едва на часъ обозначается только маленькимъ, желтымъ пятнышкомъ, гдѣ на промерзлой землѣ не бываетъ ничего, кромѣ моха и порослей, — вездѣ моя сила и любовь".

Ребенокъ почувствовалъ бодрость, печаль его утихла, страхъ съ него спалъ; въ душѣ осталась только нѣжная привязанность къ отцу и матери; онъ поднялся съ земли, перекрестился и пошелъ къ своимъ.

Мать, покормивъ гостя, стала укладывать вещи для отправленія сына. Сборы были невелики: двѣ пары бѣлья, три полотенца, довольно поношенные сапожки, нагольный, овчинный тулупчикъ, кругъ простого сыра да десятокъ вареныхъ яицъ на дорогу — вотъ и все, кажется.

Она дѣлала это разсудительно, спокойно, точно какъ полола гряды или обрѣзывала сухie сучья; походка у ней была ровная и твердая, колѣни не подкашивались, голосъ не дрожалъ, на лицѣ не видно было ни блѣдности, ни утомленія; она не теряла мужества, но она между хлопотами то и дѣло взглядала на ребенка, и тогда глаза ея свѣтились такимъ нѣжнымъ и грустнымъ чувствомъ, что, кажется, никакими словами, никакими слезами нельзяѧ-бѣ было его выразить.

Отецъ молчалъ, велѣль мальчику подсѣсть къ себѣ, одною рукою обхватилъ его, другою тихонько расправляль его волосы и гладиль по головѣ.

Наконецъ, настало время разставаться; отецъ, приподнявшись на постели, сидя, дрожащимъ голосомъ прочель напутственную молитву; мать, сынъ и приказчикъ, обратились къ церкви и стоя на колѣняхъ, клали земные поклоны.

Вотъ, молитва кончилась, всѣ замолкли и нѣсколько минутъ не трогались съ мѣста. Отецъ подозвалъ сына, перекрестиль его и почти шопотомъ сказалъ ему:

— Слушай, буду-ли я живъ или нѣть, помни на вѣки-вѣчные: въ горѣ и бѣдѣ проси помочи у Бога, работы у добрыхъ людей; трудись изо всѣхъ силъ до кроваваго пота, и лучше умирай съ голоду, а чужого не трогай, хоть бы на дорогѣ валялось золото. Когда Богъ благословить тебя поступить въ школу, учись и день и ночь, насколько дстанетъ силь твоихъ. Кто тебѣ сдѣлаетъ добро, не забывай во всю жизнь; если не удастся добромъ отплатить ему самому, отплачивай другимъ. Отца и матери ты не забудешь, я знаю; это дѣлаютъ только негодныя дѣти; и кѣмъ бы ты ни былъ, тебѣ будутъ дороги и милы наши бѣдные углы. Прощай! Господь съ тобою!

Мальчикъ кинулся ему на шею, плакаль и повторяль только:

— Буду, батюшка, помнить, вѣкъ буду помнить, что ты говоришь.

Мать прижала его къ себѣ, и, цѣлуя обливала его лицо слезами. Наконецъ, родители благословили его, надѣли ему на шею образокъ и простились съ нимъ. Ребенокъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на родныя мѣста, обѣжалъ весь садъ и дворъ, поласкалъ ягнятъ

Корни и плоды

и жеребеночка, поглядѣль на крошечныхъ, еще въ пушку, цыплять, которые съ своею матерью грѣлись въ пескѣ на солнцѣ, — вздохнулъ глубоко, попрощался еще и сѣль на телѣгу. Приказчикъ ударилъ вожжами и покатиль.

Мать упала на колѣни, поклонилась ему вслѣдъ до земли и могла только промолвить:

— Голубчикъ мой! Побереги его! Господь не оставилъ тебя своею милостью!

Нѣсколько верстъ Ваня сидѣль молча и грустиль; но вотъ, стали попадаться новыя для него вещи, люди, деревни, мѣста. Онъ сталъ разспрашивать приказчика то о томъ, то о другомъ; приказчикъ обрадовался этому, разсказывалъ, что зналъ, ласково шутиль съ нимъ, и мало-по-малу развеселиль его. На другой, на третій день Ваня успокоился, и хотя безпрестанно вспоминаль объ отцѣ и матери, но не плакаль и не тосковалъ, а ужъ думалъ о томъ, какъ они будуть рады, когда онъ воротится.

Бѣхали они очень спокойно, ничего непріятнаго съ ними не случилось; погода стояла чудесная; по лугамъ раскидывались нѣжные осенніе цвѣтки; въ молодой, пушистой зелени только-что развернувшихся листьевъ сидѣли, шныряли и порхали издалека слетѣвшіяся пташки,

Мать прижала его къ сѣбе, цѣлюя обливая его лицо
слезами...

Чистяков М.

сами — какъ живые листы и цвѣты; воздухъ быль полонъ смолистымъ ароматомъ. Отъ всего этого становилось на душѣ весело.

Приказчикъ отечески-заботливо и кротко обращался съ мальчикомъ: поутру умоетъ его, причешть, напомнить, что надо помолиться Богу, напоить чаемъ, усадить поудобнѣй на телѣгѣ и отправится въ путь; при остановкѣ, когда надобно бывало кормить лошадей, прежде всего похлопочеть, нѣтъ-ли чего теплого для ребенка, на ночь самъ постелеть ему соломы или сѣна уложить его, перекрестить и самъ ляжетъ подлѣ него.

Долгое время на постоянныхъ дворахъ у него были все знакомые хозяева; они встречали и провожали его привѣтливо, какъ давнишняго и доброго знакомаго; иногда хозяйка, смотря на мальчика и узнавъ, что онъ єдетъ отъ отца и матери, на чужую сторону, приласкаетъ его, какъ сиротку, и сунетъ ему въ телѣгу калачъ, связку баранокъ или кусокъ пряника. Это ободряло Ваню, дѣлало его смѣлымъ, разговорчивымъ. Къ приказчику онъ привязался какъ къ родному, и лепеталъ ему обо всемъ, что придется на умъ, и часто забывалъ, что онъ далеко отъ родной своей хаты.

Одинъ случай напомнилъ ему это: разъ єдуть они вечеромъ, мѣста пошли все пустыя и лѣсистыя; деревня отъ деревни иногда верстъ на двадцать и больше. Безлюдная, нѣмая дорога уныло тянется желтою полосою и будто убѣгааетъ въ даль. Приказчикъ сдѣлался молчаливъ, съ нѣкоторымъ беспокойствомъ посматривалъ по сторонамъ и чаще погонялъ лошадь. Вотъ ужъ начинаетъ смеркаться; въ лѣсахъ стемнѣло и, кажется, темнота изъ нихъ такъ и лѣзетъ на дорогу. Тишина такая, что слышно, какъ птичка въ вѣтвяхъ шелохнется или листъ упадетъ съ дерева. Непріятно было єхать нашимъ путникамъ въ такой глуши и темнотѣ. Ваней невольно стала овладѣвать робость.

— Скоро-ль деревня? — спросилъ онъ приказчика.

— Нѣтъ, еще не скоро — верстъ десять; есть тутъ гдѣ-то постоянный дворъ, да останавливаться никакъ не приходится; надо поскорѣй єхать: совсѣмъ ночь и такая темная.

Сказавъ это, онъ погналъ лошадь. Они молчали. Стукъ колесъ ихъ далеко отдавался въ чащѣ. Сидя на гнѣздахъ, пронзительно перекликались совы. Лошадь, чувствуя, что пора бы на ночлегъ, проворно єхала и пугливо поглядывала на кусты, чернѣвшіеся по краямъ дороги. Вдругъ, при раскатѣ съ горы въ оврагъ, задняя ось хрестнула, колеса покатились въ стороны и телѣга сѣла на землю.

— Вотъ тебѣ и разъ, — сказалъ испуганнымъ голосомъ приказчикъ, — надобно же было въ такую пору и въ такомъ мѣстѣ! Ахъ ты, Боже милосердый! Впрочемъ, унывать нечего; подвяжемъ подъ телѣгу колеса да кой-какъ дотащимся до постоянаго двора. Помнится, тутъ тоже былъ знакомый хозяинъ.

Онъ кой-какъ уладилъ, и они потащились шагомъ: дорога показалась имъ смертельно долгою: єдуть, єдуть, а постоянаго двора все нѣтъ. Вотъ ужъ близко къ полуночи; не встрѣчается ни одной души; хоть бы пѣтухъ прокричалъ гдѣ, хоть бы собака залаяла въ сторонѣ, это бы значило, что жилье близко; а то будто тутъ никогда человѣка не бывало. Тишина и темнота полночная такъ, кажется, и давить, и дышать будто тяжелѣй. Вдругъ сверкнуло что-то между деревьями.

— Кажется, огонь? — спросилъ Ваня.

— Да, огонь, — невесело отвѣчалъ приказчикъ.

— Деревня?

— Нѣтъ, постоянный дворъ.

— Зачѣмъ онъ стоитъ въ лѣсу?

— А Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они тутъ построились.

Корни и плоды

— Федоръ Ивановичъ, не будемъ тутъ останавливаться, мнѣ страшно что-то.

— Не бойся, голубчикъ мой! Чего бояться? Страшного ничего нѣтъ, — говорилъ Федоръ Ивановичъ, успокаивая ребенка, но по голосу слышно было, что онъ самъ боялся.

Вотъ они подѣхали къ постоялому двору. Онъ былъ построенъ прекрасно: изба огромная, съ нѣсколькими свѣтелками наверху, дворъ обнесенъ крѣпкою постройкою съ навѣсами, ворота дубовые; кругомъ все прибрано чисто; несмотря на все это, въ немъ было что-то крайне непривѣтливое, даже будто зловѣщее.

Подѣхавъ къ воротамъ, Федоръ Ивановичъ остановился, не зная, стучать ему или нѣтъ, проситься на ночлегъ или проѣхать мимо. Въ такой нерѣшительности онъ подошелъ къ окну, въ которомъ свѣтился огонь и взглянуль въ него: тамъ было человѣка четыре мужиковъ; они сидѣли за столомъ, спинами къ окошку, дѣлили деньги и спорили; на полу въ безпорядкѣ валялись сундуки, перины, шубы, платья и другія вещи. Федоръ Ивановичъ въ испугѣ отшатнулся, но въ избѣ мелькнула его тѣнь, одинъ мужикъ задулъ свѣчку, впотьмахъ началась торопливая возня; видно было, что убирали и прятали вещи. Хозяинъ поднялъ окно и крикнулъ:

— Кто тамъ?

— Проехай! Пустите ночевать.

— Милости просимъ! — отвѣчаль хозяинъ, — будетъ просторно — никого нѣтъ.

— Какъ никого? — подумалъ Федоръ Ивановичъ, — а мужики-то куда-жъ дѣвались?

— Однако-жъ онъ на это ни слова не сказалъ хозяину, весело поздоровался съ нимъ, спокойно вѣхалъ во дворъ, щутливымъ тономъ велѣль приготовить себѣ ужинать и подать водки, словомъ, вель себя такъ, какъ будто не чуялъ никакой опасности; а между тѣмъ, сердце у него сильно билось, и онъ на все смотрѣль подозрительно, все замѣчаль, чтобы ему, въ случаѣ надобности, избавиться отъ бѣды.

Впустивъ его во дворъ, хозяинъ двумя толстыми засовами задвинулъ ворота и заперь ихъ замкомъ. Замѣтивъ это, приказчикъ ужаснулся: онъ былъ — какъ въ западнѣ; не только уѣхать тайкомъ, но даже и выдти ему со двора не было ни малѣйшей возможности. Онъ былъ въ ужасной тревогѣ: распрягая лошадь и убирая телѣгу, онъ путался, роняль вещи, десять разъ, безъ всякой нужды, бралъ и перекладывалъ одно и то же; принимался то за то, то за другое, безпрестанно осматривался во всѣ стороны и не зналъ на что рѣшиться. Онъ молчаль; Ваня чувствовалъ, что тутъ есть что-то недоброе, дрожаль какъ листъ, и едава переводиль дыханіе. Была вообще темная ночь, а на дворѣ, подъ навѣсомъ, темнота точно будто сгустилась, такъ и давила; отъ нея, въ такихъ обстоятельствахъ, еще больше нападала тоска на сердце.

Федоръ Ивановичъ, однако-жъ, воспользовался ею: онъ подошелъ къ воротамъ, попробовалъ сломить замокъ, нѣтъ, не подается; попробовалъ сломить пробой, — еще крѣпче. Тогда онъ взяль вожжи, продѣль ихъ въ петли замка и пробоя, надѣль вожжи лошади на шею и вдругъ очень сильно ударилъ ее кнутомъ; лошадь рванулась и вырвала пробои. У Федора Ивановича отлегло отъ сердца: какъ будто совсѣмъ бѣда миновала, онъ бодро вошелъ въ избу, накормиль Ваню и положиль его спать въ избѣ на лавкѣ; одѣвая его и прощаюсь съ нимъ, Федоръ Ивановичъ успѣль шепнуть ему нѣсколько разъ:

— Смотри, Ваня, ты спиши подъ окномъ; оно выходитъ на огородъ или въ садъ; я лягу на дворѣ; если ты ночью услышишь тамъ крикъ, то не бѣги ко мнѣ, а бросайся въ окно, выбирайся на дорогу и бѣги все по дорогѣ; кого встрѣтишь, того и приведи сюда поскорѣй. Бога ради, голубчикъ, не забудь этого, проторди это нѣсколько разъ, не спутайся